

Н. Долинина

Граф и графиня Безуховы

Мы расстались с Пьером в Сокольниках, когда он «схватился за голову и, повернувшись назад, пошел в лес, шагая целиком по снегу и вслух приговаривая непонятные слова: — Глупо... глупо! Смерть... ложь...»

Но и до этого мы давно не видели Пьера, с тех пор, как он одиноко сидел в доме умирающего отца, не понимая, что вокруг него происходит, и нимало не заботясь о своем будущем.

Будущее стало настоящим; Пьер — богач и граф Безухов, женатый на красивейшей женщине света. Но стал ли он от этого счастливым? Нет.

Права была княжна Марья, когда беспокоилась за Пьера: «Столь молодому быть отягощенным таким огромным состоянием, — через сколько искушений надо будет пройти ему!»

Пьер не выдержал первого же искушения — он женился на Элен, хотя разум удерживал его от этого, хотя он много раз повторял себе, что Элен глупа, что чувство, которое она возбуждает в нем, «гадкое... запрещенное».

Все любимые герои Толстого: Пьер, Наташа, князь Андрей, старик Болконский — все они совершают жестокие ошибки. Не ошибается Берг, не ошибается Борис, не ошибается Соня — и потому Толстой не любит ее. А те, кого он любит, ошибаются — и Толстой беспощадно показывает их заблуждения.

Что касается Пьера, то он до сих пор совершал на наших глазах одни только нелепые, неразумные и непоправимые поступки: защищал революцию и Наполеона в гостиной Шерер; нарушил данное князю Андрею честное слово и поехал к Курагину, чтобы участвовать в буйных шалостях с медведем; зачем-то рекомендовал князю Андрею Бориса; поддался низменному чувству к Элен и женился на ней...

Вот, может быть, главное: увлекшись Элен, Пьер почувствовал, что «между ним и ею не было уже никаких преград»; это же испытает Наташа, влюбившись в Анатоля; брат и сестра Курагины, красивые люди, умеют вызвать к себе слепую и темную страсть, но не любовь, потому что любовь — чувство прежде всего духовное.

Женившись на Элен, Пьер изменил самому себе — за это он горько расплатился.

Теперь он корчится от стыда, вспоминая три французских слова: *je vous aime*, которые решили его судьбу. Но ведь было счастье первых недель, даже месяцев брака, счастье сознания, что эта величавая красавица — его жена, и гордость за нее; ведь он гордился ее неприступной красотой, своим домом, «в котором она принимала весь Петербург!» И было ощущение, что люди наконец поняли его, Пьера, — все любят его, всем он нужен, к его словам прислушиваются, всюду его зовут... Теперь он знает, что звали не его, а владельца миллионов и графского титула; но тогда, несколько месяцев назад, так хотелось верить, что он сам, такой, каков есть, нужен людям...

Все рухнуло сразу — в тот день, когда он понял, что в анонимном письме написана правда и унылая кузина, княжна, намекала на правду; когда убедился в измене жены и друга — ведь считал же он Долохова другом.

За что же мы любим Пьера, несмотря на все его ошибки? Прежде всего за то, что он обвиняет в своих несчастьях не других, а себя, мучительно ищет свою вину.

«Но в чем же я виноват? — спрашивал он. — В том, что ты женился на ней, не любя ее, в том, что ты обманул и себя, и ее... Зачем я себя связал с нею, зачем я ей сказал это: «*Je vous aime*», которое было ложь и еще хуже, чем ложь? — говорил он сам себе...»

Элен несколько не мучается. Она входит в его кабинет «в белом атласном халате, шитом серебром, и в простых волосах (две огромные косы en diademe огибали два раза ее прелестную голову)», входит «спокойно и величественно». Дождавшись, когда выйдет камердинер, она устраивает Пьеру безобразную, грубую и лживую сцену:

«— Это еще что? Что вы наделали, я вас спрашиваю? — сказала она строго.

— Я?.. что?.. я... — сказал Пьер.

— Вот храбрец отыскался! Ну, отвечайте, что это за дуэль! Что вы хотели этим доказать? Что? Я вас спрашиваю».

Она искренне возмущена: «К чему это поведет? К тому, чтобы я сделалась пошлостью всей Москвы...» — это единственное, что ее беспокоит. Она не понимает цинизма

того, что говорит. Ее мир прост и ясен: в нем всего только нет места чувствам. Поэтому я жестоко радуюсь, когда «Пьер вскочил с дивана и, шатаясь, бросился к ней.

— Я тебя убью! — закричал он и, схватив со стола мраморную доску с неизвестной еще ему силой, сделал шаг к ней и замахнулся па нее».

Я наслаждаюсь тем, что Элен, величественно вошедшая в комнату с морщинкой гнева «на мраморном несколько выпуклом лбе», теперь «взвизгнула» и выбежала из комнаты.

Через несколько дней Пьер так же выгонит князя Василия, явившегося примирять супругов, — и это опять будет радостно, потому что невозможно допустить, чтобы низкие люди, как хотят, вертели Пьером.

Но легче ли Пьеру от этих приступов бешенства? Несколько не легче. Расставшись с женой, он едет в Петербург — и все одни и те же вопросы, овладевшие им в ночь после дуэли, мучают его. «Как будто в голове его *свернулся* тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь. Винт не входил дальше, не выходил вон, а вертелся, ничего не захватывая, все на том же нарезе, и нельзя было перестать вертеть его».

Вот о чем думает Пьер: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить и что такое я?..»

Никогда в жизни графиня Елена Васильевна не задаст себе ни одного из этих вопросов. Ей они не нужны — без них спокойнее. Да, конечно, она в своем непробиваемом спокойствии гораздо счастливее мучающегося Пьера. Но насколько полнее и богаче его жизнь со страданиями и срывами!

Это неправда, что человека воспитывают только родители, учителя, окружающие люди. То есть это правда, пока человек мал. Но едва он научится думать, как начинает воспитывать себя и сам. Борис Друбецкой сам сделал из себя карьериста, Долохов — жестокого циника, Николай Ростов — нерассуждающего рубаку, князь Андрей — человека дела. Вот и Пьер в муках рождает себя — человека, живущего не бесцельно.